

УДК 32:316.4; 32:316.75

В.Г. Скочилова**ИДЕОЛОГИЯ В ПОЛИТИЧЕСКОМ ПРОЦЕССЕ СОВРЕМЕННОЙ
РОССИИ**

Исследуется проблема политической идеологии как фактора современного российского политического процесса. Рассматриваются вопросы идеологического конструирования в его динамическом аспекте.

Ключевые слова: политический процесс, политическая идеология, идеологическая система.

Исследование феномена идеологии сталкивается с множеством трудностей, которые связаны с ролью идеологий в современных обществах, подвергающихся постоянной модернизации, либо осуществляющих реакционный поворот к традиционалистским ценностям и встающим на путь умеренного или крайнего консерватизма. Сформировавшиеся в современной научной литературе концепции деидеологизации и реидеологизации основываются на исследовании степени и силы влияния идеологических факторов на массовое сознание и политические процессы. Критики и апологеты говорят о «конце идеологий» либо об усилении роли идеологий и проникновении их во все сферы жизни современных обществ, однако вне идеологического контекста и идеальных факторов не мыслятся глобальные и региональные политические процессы.

Обращаясь к процессуальным параметрам любой политической системы, мы, в первую очередь, говорим о динамических процессах и изменениях в политическом пространстве и его отдельных элементах. Эти изменения взаимосвязаны и влияют друг на друга, составляя тем самым единый комплекс – политический процесс, фиксирующий и раскрывающий изменение состояний и форм политических объектов и явлений.

П. Сорокин в работе «Социальная и культурная динамика» трактует «процесс» вообще, понимая его как «любой вид движения, модификации, преобразования, перестройки или «эволюции», [...] любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его места в пространстве, или речь идет о модификации его количественных и качественных аспектов» [1. С. 80].

Процессы, протекающие в любой социальной системе или в одном/нескольких её компонентах, и изменения, которым подвергаются системы, суть процессы не изолированные друг от друга. П. Штомпка отмечает: «Человеческие общества постоянно изменяются на всех уровнях своей внутренней структуры [...] Общество – это отнюдь не целостная сущность, а многоуровневое, внутренне связанное направление процессов» [2. С. 86]. Сам факт изменения является многоплановым (или многоаспектным) процессом,

где задействовано множество различных аспектов и факторов, влияющих и определяющих дальнейший ход событий и смену состояний.

Таким образом, процесс включает в себя систему постоянно трансформирующихся взаимодействий. Потому отделение «политического» от «социального» представляется нам возможным при разделении сфер и способов этих взаимодействий. Определяется ли политическое посредством власти, то есть в «узком» понимании политики, либо за счет целедостижения на основе решений, касающихся общественного устройства в рамках тех или иных нормативных предписаний, мы будем исходить из понимания политики (и политического) как одного из инструментов регулирования социальных процессов, функциональной области, составной части общесоциального.

Категория «политический процесс» описывает весь объем политической динамики и движения, охватывая единичные проявления изменений в частях целого, и позволяет анализировать характерные (типичные) формы связи между ними. Комбинации различных характеристик изменений предполагают множество подпроцессов внутри всей (общей) совокупности динамических процессов, каждый из которых (подпроцессов) проявляется в конкретной смене состояния конкретного политического явления во времени и пространстве.

Политический процесс – своеобразный вектор, на который оказывают влияние как различные политические факторы – институционализованные (государство, партии, лидер), политическая иерархия, политические элиты, политическая система и режим, – так и факторы, характеризующие формы человеческого существования: религиозные, культурные, этнические и другие. Все они суть структурные факторы, то есть социально-экономические и культурно-ценностные предпосылки и условия, способствующие или препятствующие многообразным общественно-политическим процессам. Сам же политический процесс протекает между и внутри множества факторов (и предполагает выбор из множества факторов), которые в значительной степени определены.

В таком контексте мы можем рассматривать идеологию как структурный фактор, институционализованную культурно-ценностную модель политического процесса, определяющую «содержательное наполнение выбираемых формальных процедур и институтов» [3. С. 12] и способы освоения и постижения политического универсума.

Необходимо отметить, что сам концепт идеологии в политической науке в силу различных подходов к данному феномену приобретает различные трактовки. Появившаяся в эпоху модерна как эффективный и практически единственный механизм конструирования политической действительности идеология со временем утратила свою «идеальную» составляющую. К. Гирц одним из первых обратил внимание на одну из главных проблем идеологии: произошла «почти полная идеологизация самого понятия «идеология». Автор связывает это со слишком узким подходом к проблеме, не учитывающим социальные и психологические контексты, и именно потому «общественные науки пока что не сумели развить подлинно безоценочное понятие идеологии» [4. С. 7–8].

Т. Иглтон в своем фундаментальном труде, посвященном исследованию идеологии, отмечает, что нет единственного адекватного определения поня-

тия. Он приводит перечень более десяти трактовок идеологии, которые можно встретить в современной научной литературе. Среди них: процесс производства значений, знаков и ценностей в социальной жизни; социально необходимая иллюзия; способ, при помощи которого социальные акторы сознательно придают значение своему миру; ориентированный на действие набор верований; процесс, посредством которого социальные идеи преобразуются в действительную реальность, и другие. При этом Иглтон убежден, что разнообразие дефиниций не является проблемой, а скорее следствием разнообразных и часто противоречащих и несовместимых друг с другом концепций, в которых понятие идеологии не может и не должно быть синтезировано в «великую глобальную теорию идеологии» [5. Р. 1–2].

Как идеальная составляющая политического процесса, отражающая его объективные тенденции, и как идеализированная форма представлений людей о процессах, происходящих в обществе, идеология во многом является катализатором изменений общественно-политической практики, системой идей, детерминирующей политический процесс. Духовно-культурные формы включены в социальную динамику как побуждающий фактор, «и они становятся отправными точками в символическом конструировании социальной реальности, в формировании основ осмысленного социального и культурного порядков и в устройстве механизма, обеспечивающего участие в последнем» [6. С. 72].

Идеология в политическом процессе призвана сформировать символическую модель, которая выступала бы моделью политической реальности. Это становится необходимым и обязательным условием идеологии в её процессуальном аспекте. Преемственность и изменения в политике требуют критериев, которые бы символически структурировали среду и являлись ответом на вызовы и противоречия, существующие в политическом поле. Подобные критерии или «основополагающие нормы» в устройстве макросоциальных порядков, как их определяет Ш. Эйзенштадт, «обеспечивают некоторую предсказуемость социального взаимодействия в долгосрочной перспективе и наделяют принимаемые решения смыслом, который значим, несмотря на различные противоречия человеческого бытия вообще и социальной жизни в частности» [6. С. 8]. Эти критерии, их содержание находят выражение в политической символике. Идеологические сигнификаты символически структурируют политическую реальность: устанавливают границы политического, формируют основы рационализированного процесса политических изменений и механизмов участия в них. Процесс производства идеологией значений, символов и ценностей, вызывающий определенную политическую практику, позволяет нам определить идеологию как, во-первых, локализованную сферу интеллектуальной и духовной деятельности по освоению действительности, направленную на создание символической модели мира политики, и, во-вторых, форму сознания, дающую представление о социально-политической динамической реальности, способах и формах её изменения, претендующую на универсальность.

М. Фриден отмечает, что теоретические исследования идеологии прежде отличались излишне унитарным подходом к вопросу, ограничиваясь изучением природы форм и различий конкретных идеологических доктрин, либо

ограничивались классификацией идеологических позиций. Для начала автор предлагает отталкиваться от нескольких положений, определяющих суть идеологии. Во-первых, идеологии всегда присущи социальным группам, они «произведены, направлены на (группы) и потребляются группами». Второй аспект отражает основные функциональные характеристики идеологии и её роль в социальном процессе: идеология легитимизирует, интегрирует, социализирует, упорядочивает и систематизирует, упрощает и ориентирует действие. В-третьих, идеологии – это формы политического мышления. Отражая все разнообразие воспринятого, идеологии тем самым формируют концептуальное представление о существующих или воображаемых социальных мирах. Четвертое, идеологии являются источником власти в том смысле, что, оправдывая определенные политические решения и поддерживая политические действия и определенную политическую практику, идеологии вызывают власть как возможность руководить и оказывать влияние на человеческое бытие [7. Р. 22–23]¹.

Приоритет социальных групп в идеологической сфере характерен в большей степени для эпохи Modernity. Возникновение современных идеологий совпало с процессом дифференциации общества на группы и, в первую очередь, функциональная дифференциация групп в экономической сфере послужила толчком к возникновению конкуренции в сфере идеально-духовных конструктов как систем описания общества и проектов социального развития. Абстрактное описание возникших универсальных социальных связей в индустриальном обществе несет в себе исключительно функциональную нагрузку. Идеология выступает как нормативно-символическая сфера, легитимирующая социально-политический порядок, или же своего рода «внешняя среда», навязывающая нормы и значения и потому способствующая успешной социализации индивида. В таком срезе идеология представляет собой форму организации и контроля структуры, которая обуславливает процессы, происходящие в этой структуре.

Сконструированная политическая реальность и в особенности её идеальная составляющая всегда определяются группами индивидов. Социальные группы как носители определенного набора ценностей, стандартов, норм и культурных символов воспринимают действительность сквозь призму этих нормативно-символических форм и, как следствие, представляют собой социально-структурное основание для того или иного означивания и определения реальности. Социальная обусловленность возникновения и функционирования идеологических конструктов проявляется в способности идеологии вбирать в себя всю социальную реальность, всю сумму её противоречий, всю раздробленность и фрагментарность социального мира и тем самым легитимировать эти противоречия.

Идеология представляет собой специфическую форму рационализации мира и жизни, которая позволяет человеку найти устойчивые ориентиры для своей деятельности, если мы, вслед за Т. Парсонсом, будем понимать рациональное как связь средств с целью, достигаемую в условиях данной ситуации

¹ Пятый аспект, согласно М. Фридену, идеологии как собственно объект исследования политической мысли.

и при помощи наиболее подходящих средств, которыми располагает актер [8. С. 113]. Подобное представление об идеологии в методологическом анализе приобретает негативный оттенок. Определяя универсальность и всеобщность частных субъективных интересов, идеология не анализирует и не позволяет это делать людям, а связывает поверхностные факты, не исследуя сущностные связи. М. Оукшот пишет, что рационализм как тип мышления «обманным путем» присвоил всю сферу нравственности и морального воспитания и овладеть такой рационалистической моралью можно только через усвоение идеологии. «Рационалист разрушает существующее невежество и заполняет образовавшуюся пустоту определенными знаниями, абстрагированными от личного опыта...». И именно этим новым знаниям и принципам дается обоснование стройной и логичной доктрины [9. С. 36–37]. Редуцируя политические явления и, в конечном итоге, схематизируя всё политическое, подменяя действительность системами массовых представлений, теоретически и логически обоснованными, идеология формализует массовое сознание. Таким образом, мы можем определить идеологию как средство идейного воплощения групповых интересов, содержащее в себе видение политического и социального развития общества.

Конкурентные действия социальных групп как «производителей» и «реципиентов» политической идеологии несут в себе потенциал конфликтности, который во многом определяется социокультурными основаниями. «Отличительные признаки идеологии, скорее, обнаруживаются там, где тот же самый целостный универсум интерпретируется по-разному в зависимости от конкретных интересов в данном обществе», – отмечают П. Бергер и Т. Лукман [10. С. 200]. Легитимация и обеспечение интересов группы всегда предполагают наличие противоположной группы с иными определениями реальности. Конфликтные взаимодействия групп происходят в идеологическом поле по поводу воспроизводства и распределения власти, цели и способы действия которой могут быть реализованы через механизм их идеологического обоснования. В идеале возникающие духовно-ценностные основания для конфликтов и напряженности наряду с другими формами взаимодействия и связей групп оказывают значительное влияние на содержание политических процессов.

Ш. Эйзенштадт предлагает выделять два типа напряженностей, которые, оформившись в ходе «Великих революций», продолжают существенно влиять на политическую динамику современных обществ. «Первый тип напряженности, – пишет автор, – был присущ конструктивистскому подходу к действительности, в котором политика представляла как процесс перестройки общества и прежде всего через механизмы политической демократии <...>, т.е. как активное самоконструирование общества – в отличие от взгляда на общество как на сложившуюся корпорацию. Второй тип напряженности <...> заключался в расхождении между представлениями, носившими тотальный, обычно утопический и/или коммуналистский характер <...> – и более плюралистичным взглядом...» [6. С. 32–33]. Истоки этих напряженностей лежат в сфере политической идеологии и выражаются в противостоянии принципов плюрализма в противовес тотальному приоритету коллективизма.

Россия особенно остро пережила подобный опыт в конце 80-х – начале 90-х гг. XX в., когда распад СССР сопровождался столкновением идеологических позиций. Основополагающим элементом борьбы стал символический отказ и отрицание всего «старого», присущего тоталитарной эпохе. В это время на авансцене появилась новая либеральная идеология, противостоящая этатистской социалистической марксистско-ленинской идеологии, стимулирующая революционные преобразования в стране.

Смена политического режима повлекла за собой структурный распад общества и системы. Атомизация общества и общая размытость социальной структуры не вели к социальной стратификации. «Идеологии групп» 90-х гг. утрачивали свое влияние и первоначальное массовое очарование, не находя отражения в традиционных ценностях российского общества. Возможно, это могло бы свидетельствовать о качественных предпосылках перехода к постиндустриальному обществу. Однако, как отмечает Д. Белл, политика в индустриальном обществе первична по отношению к социальной структуре, и именно «она превращается в регулирующий механизм перемен» [11. С. 652]. В России традиционно основным субъектом политики выступает государство, оно же выступает главным источником власти. Развиваясь автономно от социума, именно власть стала основным объектом модернизации. Однако характерный для российской политической культуры дуализм лег в основу социально-политического кризиса: новая демократическая модель развития навязывалась сверху, тогда как формирование и функционирование гражданского общества в России не находили соответствующего культурного шаблона, способного организовать подобный тип деятельности. Провозглашенное либерально-демократическое государственное устройство стало неадекватно реально сложившейся структуре власти, которая традиционно тяготела к авторитарной модели. С одной стороны, конфликтные формы развития политической системы, не имеющие уже под собой идеологической базы, с другой стороны, стремление власти к самосохранению определили и роль идеологии в этих процессах.

В настоящее время, с нашей точки зрения, весьма затруднительно выявить идеологические напряженности внутри российской политической системы. В путинский период борьба политических партий, социальных групп или групп интересов в идеологическом поле была полностью нивелирована. Наблюдаемые тенденции к нарастанию разночтений и основных подходов и принципов дальнейшего развития страны внутри политической элиты также носят неидеологический характер. Попытки последних двух лет создать и поддержать если и не идеологическое разнообразие, то хоть сколько-нибудь весомую альтернативу в партийном спектре носят исключительно номинальный и декоративный характер и по-прежнему существенно не влияют на политические процессы в России.

В этой связи весьма интересной нам представляется концепция российских авторов [12] тотальной и частичной идеологии, основанная на анализе трудов К. Мангейма. Говоря о тотальной идеологии, авторы отмечают, что в данном случае «речь идет о некотором неуловимом идеологическом фантоме, который либо может предполагаться, либо реконструироваться в исторических изысканиях» [12. С. 24]. Тотальную идеологию, с нашей точки зрения,

можно обозначить как национальное сознание, образ мира, разделяемый государством, нацией и отдельными индивидами. По своему объему понятие «тотальная идеология» во многом совпадает с понятием «культура», поскольку предстает как некий субстрат воспроизводства конкретных форм поведения и деятельности и находит свое выражение в традиции. Концептуализация тотальной идеологии может осуществляться, как отмечают авторы, лишь при наличии определенного «социального запроса». Именно тотальная идеология задает границы в идеологическом пространстве, внутри которого и ведется борьба частичных идеологий за общественную поддержку и признание. Выходя далеко за пределы «политического», тотальная идеология символически поддерживает и структурирует универсум, являясь при этом самопроизводящейся системой.

Частичная (или партийная, политическая) идеология является рациональным продуктом макрогруппы, отражающим её представления о круге вопросов, касающихся воспроизводства власти, целей и действий для их реализации. Отмечается, что партийная политическая (даже консервативная) идеология декларирует радикальные изменения в социально-политическом пространстве, и, таким образом, частичная идеология всегда направлена на динамику социально-политической системы. Идеологическая дискуссия поддерживает динамическое равновесие системы в целом и остается продуктивной до тех пор, пока какая-либо одна частичная идеология не начинает претендовать на национальный статус.

Особая проблема заключается именно в претензиях одной частичной идеологии на статус идеологии государственной¹. Государству отводятся функции гаранта взаимодействия частичных партийных идеологий в границах политико-культурного шаблона. При максимуме силовой поддержки в структуре частичной идеологии «начинают преобладать политические компоненты, идеи борьбы за власть, вполне уместные для политических партий, но отнюдь не перекрывающие всю совокупность отношений «людей к действительности и друг к другу» [12. С. 15]. Частичная идеология становится настоящим политическим, и это меняет структуру идеологических взаимодействий в обществе.

Строго следуя предложенной схеме, мы могли бы сказать, что свои претензии на статус национальной идеологии в российском политическом пространстве реализовала партийная идеология «Единой России». Партия власти изначально несла в себе политические и силовые ресурсы для того, чтобы артикулировать свои интересы на государственном уровне. Однако специфика партотрождения и его идеологическое обеспечение делают подобный вывод неадекватным реальным политическим процессам 2000-х гг.

Трудностью для реализации либерального проекта «на русской почве» в пореформенный период стала давняя проблема организации жизни многонациональной страны. На стыке веков запрос на «национальную идею» (и её воплощение в государственной идеологии) стал формироваться в первую

¹ Авторы придерживаются позиции, что национальная (тотальная) идеология по определению не может быть государственной, «государство – еще не все общество и не вся нация». Равно как и само государство должно сохранять идеологический нейтралитет, т. е. не разделять ни одной частичной идеологии.

очередь в государственных структурах, а не в обществе. Потребность в консолидирующей идеологии обуславливалась и многочисленными кризисами в экономической и социально-политической сферах, когда на фоне общей рекламизации политики, с одной стороны, и бюрократизации, с другой, идеологический механизм стал для власти практически единственным способом объяснения и символизации политической динамики.

В 1999 г. сразу две политические партии – «Отечество» (ОВР) и «Единство» – позиционировали себя как партии власти. Тяготая к единому символическому центру, ни одна из них не предлагала четкой идеологической платформы. Выдвижение в 2000 г. Владимира Путина на президентский пост стало определенным толчком для последующей управляемой консолидации центристских сил. Героизация образа нового президента на первоначальном этапе основывалась в основном на борьбе с террористической угрозой и угрозой территориальной целостности страны. Таким образом, в образе сильного лидера воплотилась «национальная идея» – «Великая и сильная Россия» [13].

Определение и формулирование основных положений национальной идеологии было осуществлено государством, которое «заинтересовано в ее формировании как главного компонента духовной инфраструктуры, определяющего отношения между властью и населением» [12. С. 17]. Помимо мировоззренческих функций, которые способствуют интеграции и консолидации российского общества, идеология, выступающая объектом государственной политики, задает необходимые рамки понимания и восприятия происходящих социально-политических процессов, а также способов действия в политическом пространстве. Изменения 2000–2008 гг., произошедшие в политической системе, централизация институционального контроля, выстраивание вертикали власти, изменение избирательных принципов также получили свою легитимность посредством транслируемой идеологии. Был реализован традиционный для России сценарий развития, когда идеологическая модель насаждается сверху и реализуется через партии, молодежные организации и бюрократический аппарат.

Именно вокруг фигуры президента в 2003 г. была выстроена идейная платформа партии «Единая Россия». Верховная власть (следовательно, государство) сохраняла формальную «беспартийность», тогда как сама партия стала своего рода материальной базой для внедрения и функционирования идеологического конструкта, мобилизационным ресурсом для широких масс населения.

Сама современная идеологическая система в политическом процессе уже не обладает доктринальностью и жесткостью формы. Идейные тезисы «партии большинства» трансформируются в зависимости от внешне- и внутриполитических процессов. Традиционно в идеологический конструкт включаются образы «своих и чужих». И если в 90-е гг. бинарная оппозиция в идеологии выстраивалась по отношению к «коммунистическому прошлому», «тоталитарной эпохе», то идеология 2000-х определила в качестве врага «либералов», «прозападные силы» и, собственно, сам образ Запада, одновременно «срачиваясь» с «героическим прошлым». При наличии в идеологии традиционных символических конструктов, обеспечивающих смысловую ориента-

цию большей части населения, она предстает как своего рода «открытая» оперативная система, подчиняющаяся прагматическим целям власти.

То есть мы не можем говорить о гомогенной идеологической системе, определяющей надлежащее восприятие всех проявлений политического. Современная идеология – трансформирующаяся система, реагирующая на актуальные вопросы и вызовы мультикультурного общества, в российском контексте ориентированная на традиционные формы символизации.

Власть, как и социальная структура, тяготеет к унификации политического пространства, предоставляя «правила игры в политику». Формально в нынешней России власть стремится к «объективности», избавляясь от последних остатков сакральности. Однако же, определяя себя исключительно функционально и выражая идеологию посредством политических и социальных институтов, действующих в рамках заданной идеологической ценностной системы, непременно возвращается к необходимости подтверждения аутентичности харизмы и опирается на традиционализм русского политического сознания.

В данной связи А. Соловьев пишет о «невозможности» идеологии в постиндустриальных обществах, поскольку она «оказывается слишком неприспособленной для сплочения в единых политических формах культурного многообразия уходящего от индустриализма общества» [14. С. 71]. С одной стороны, индивидуализация восприятия политики, характерная для обществ постмодерна, ведет к атомизации личности и выключению индивида из политических взаимосвязей – с другой. Дистанцированность общества от власти, столь же традиционная для России, позволяет эти тенденции сегментации столь же эффективно использовать в политическом процессе. «Активизируя» идеологически сформированные образы и смысловые коннотации на любом из необходимых этапов процесса, к примеру выборах, власть обеспечивает идентификацию населения «здесь и сейчас», тогда как в остальное время взаимоотношения элит и масс строятся на основе лояльности.

Для уточнения содержания понятия «постмодерн» обратимся к следующей его трактовке: «Социальный постмодернизм отрицает возможность целостного представления об обществе, не приемлет идею прогрессивного развития последнего, не видит смысла в социальном действии, осуществляет деконструкцию социальных связей и, в конечном итоге, провозглашает неизбежность постепенного распада социума, заменяя его фрагментарной виртуальной реальностью (симулякром)» [15. С. 84].

Итак, размытость национальной идеологии или отсутствие идеологии как рациональной концептуализированной системы у «партии власти», с нашей точки зрения, не только не отменяют, но и увеличивают роль идеологии в современном политическом процессе. «Суверенная демократия» или «российский консерватизм» «Единой России» – симулякры, отражающие событийность, имеющую исключительно символическое существование, при этом «любая идентичность в системе отсчета постмодерна невозможна, ибо невозможна финальная идентификация, т.к. понятия в принципе не соотносимы с реальностью» [16]. Фрагментация социального и политического пространства, идейная дезинтеграция позволяют в замещенной виртуальной реально-

сти именно идеологическим симулякрам наиболее эффективно реализовать прагматические цели власти как осуществление единичного проекта.

Таким образом, виртуальность политики как социальной системы поддерживается идеологической матрицей, структурирующей смыслы и ограничивающей область возможных коннотаций. В процессуальном аспекте посредством идеологии обеспечивается воспроизводство властных отношений во времени, политическое пространство становится так или иначе обозначенным и свершившимся.

Литература

1. *Сорокин П. А.* Социальная и культурная динамика. СПб.: РХГИ, 2000. 1054 с.
2. *Штомпка П.* Социология социальных изменений. М.: Аспект Пресс, 1996. 416 с.
3. *Мельвиль А. Ю.* Опыт теоретико-методологического синтеза структурного и процедурного подходов к демократическим транзитам // Полис. 1998. № 2. С. 6–38.
4. *Гириц К.* Идеология как культурная система // НЛЮ. 1998. № 29. С. 7–38.
5. *Eagleton T.* Ideology: An Introduction. London: Verso, 1991.
6. *Эйзенштадт Ш.* Революция и преобразование обществ. Сравнительное изучение цивилизаций. М.: Аспект Пресс. 1999. 416 с.
7. *Freedon M.* Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford, 1996.
8. *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический Проспект, 2000. 880 с.
9. *Оукиот М.* Рационализм в политике и другие статьи / Пер. с англ. М.: Идея-пресс, 2002. 288 с.
10. *Бергер П., Лукман Т.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.
11. *Белл Д.* Грядущее постиндустриальное общество. М.: Академия, 1999. 783 с.
12. *Барботько Л.М., Войтов В.А., Мирский Э.М.* Тотальная идеология против тоталитарного государства // Вопросы философии. 2000. № 11. С. 12–27.
13. См., напр.: *Проект* доклада Совета по национальной стратегии о «стратегическом императиве» развития России «Национальная стратегия и повестка дня второго срока президента Владимира Путина» // <http://osada.sova-center.ru/archive>
14. *Соловьев А. И.* Политический облик постсовременности: очевидность явления // Общественные науки и современность. 2001. № 5. С. 66–81.
15. *Ваторопин А. С.* Религиозный модернизм и постмодернизм // Социс. 2001. № 11. С. 84–92.
16. *Постмодернизм:* Энциклопедия. Мн.: Интерпрессервис; Книжный Дом, 2001.